

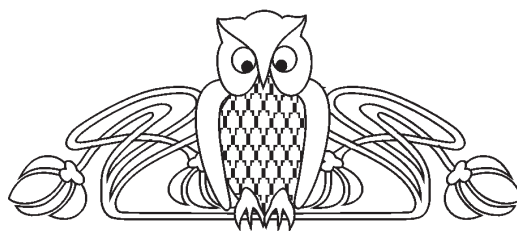

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 221–226
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 221–226
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-221-226>, EDN: KLZJWX

Научная статья
УДК 321.01

Языковая политика Швейцарии в условиях федерализма

А. Р. Зарипова ✉, Я. П. Кузнецов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Зарипова Айгуль Раисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, aigulzaripova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5810-5986>

Кузнецов Ярослав Петрович, магистрант 2-го года обучения (направление «Политология») Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, YaPKuznetsov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2407-0655>

Аннотация. Современные многосоставные общества, характеризующиеся этнокультурным разнообразием, формируют запрос на поиск эффективных механизмов сохранения баланса в межгрупповых отношениях. Институционализация языковой политики становится одним из способов регулирования межэтнических отношений. Особую актуальность проблема реализации языковой политики приобретает в современных европейских федерациях, границы субъектов которых накладываются на границы проживания языковых сообществ. В таких случаях языковая политика федерального центра способна напрямую влиять на характер взаимодействия центральной и региональных властей. Особый исследовательский интерес представляет Швейцария как одна из самых децентрализованных федераций Европы. Компактное проживание четырех языковых сообществ наложило существенный отпечаток на институциональные основы федеративного устройства Швейцарии. Сложившиеся модели взаимодействия между центром и кантонами нуждаются в рассмотрении в качестве инструмента нормализации и стабилизации отношений в многосоставных обществах. В статье рассматривается влияние федерализма и федеративных принципов на формирование и развитие языковой политики Швейцарии. Раскрывается нормативная база швейцарского федерализма, ее институциональные основы, которые накладывают отпечаток на регулирование языкового режима как на федеральном, так и на региональном уровнях. С опорой на статистические данные дается оценка языковой ситуации в кантонах с одним и двумя официальными языками. Обозначена специфика сочетания основных принципов, регулирующих отношения между швейцарскими языковыми группами. Принципы равноправия языков, свободного языкового выбора для регионов и формальное закрепление языковой территориальности рассматриваются как основа устойчивости швейцарской модели федерализма. Делается вывод, что федерализм в Швейцарии способствует гармонизации языковой ситуации благодаря распределению полномочий между центром и регионами.

Ключевые слова: языковая политика, федерализм, Швейцария, децентрализация, субсидиарность

Для цитирования: Зарипова А. Р., Кузнецов Я. П. Языковая политика Швейцарии в условиях федерализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 221–226. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-221-226>, EDN: KLZJWX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The language policy of Switzerland within the federalism environment

A. R. Zaripova ✉, Ya. P. Kuznetsov

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Aigul R. Zaripova, aigulzaripova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5810-5986>

Yaroslav P. Kuznetsov, YaPKuznetsov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2407-0655>

Abstract. Modern plural societies characterized by ethno-cultural diversity are forming demand for effective balance of inter-group relations. The institutionalization of language policy is becoming the way of inter-ethnic relations regulation. The problem of language policy implementation is the relevance in modern European federations, the boundaries of which are overlap on the boundaries of the linguistic communities' residence. In such cases the language policy of the federal center includes the impact on the federal and regional authorities' relations. Switzerland is the research interest as one of the most decentralized federations in Europe. The compact residence of four linguistic communities' impact on the institutional foundations of the federal structure. The existing interaction of models between central authorities and cantons requires consideration as a tool for normalizing and influencing relations in plural societies. In this article the authors consider the influence of federalism and federal principles on development of language policy. The article reveals the regulatory framework of Swiss federalism, its institutional foundations, which impact on regulation of the language regime, both at the federal and regional levels. Based on the statistical data, an assessment is made

of the language situations in the monolingual and bilingual cantons. The authors capture the main principles of the Swiss language regime. The principles of equality of languages, free language choice for the regions and the formal consolidation of languages' territoriality as the basis for the stability of the Swiss model of federalism. It is concluded that federalism observed the harmonization of the language situation due to division of federal and regional powers.

Keywords: language policy, federalism, Switzerland, decentralization, subsidiarity

For citation: Zariyova A. R., Kuznetsov Ya. P. The language policy of Switzerland within the federalism environment. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 221–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-221-226>, EDN: KLZJWX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Особенности географического, исторического и политического развития Европы привели к тому, что население многих европейских государств состоит из разнообразных культурных, этнических, религиозных и языковых групп. Соответственно, существуют различные подходы к регулированию межэтнических отношений в таких многосоставных сообществах. Частью государственной политики по регулированию межэтнических отношений является языковая политика, которая определяется особенностями исторического развития и дизайном политического устройства той или иной страны, а также взаимоотношением её этнических групп и степенью их социальной интеграции. В случае же с федеративными государствами особую роль в формировании языковой политики приобретает совместимость интересов федерального центра и регионов, которые, как правило, обладают определённой степенью автономии в данной сфере.

В этой связи весьма интересен пример языковой политики Швейцарии как одной из самых децентрализованных федераций. Компактное проживание различных языковых групп может сопровождаться противоречиями в культурной и политической сферах жизни общества. В то время как в Швейцарии различные языковые сообщества на протяжении веков мирно сосуществуют друг с другом, политическая система государства отличается высокой степенью стабильности. Предполагается, что именно особенности федеративного устройства швейцарского государства вкупе с полиэтническим составом его населения привели к формированию уникальной модели языковой политики, направленной на регулирование проблем многоязычия и сохранения культурно-языкового баланса.

Несмотря на изученность аспектов многоязычия Швейцарии и особенностей её политического дизайна, наблюдается определённый недостаток исследований, посвящённых влиянию её федеративного устройства на языковую политику. Иными словами, существует необходимость изучения федерализма как фактора формирования и реализации швейцарской

языковой политики. Выявление зависимости между практикой федерализма в Швейцарии и особенностями модели её языковой политики может способствовать лучшему пониманию логики взаимодействия различных этнолингвистических групп в многосоставных обществах федеративных государств, что и обуславливает актуальность изучения данной темы.

Основы современного швейцарского языкового режима были закреплены в Конституции Швейцарии 1848 г., согласно которой национальными языками страны стали немецкий, французский и итальянский. При этом было обозначено чёткое различие между официальными и национальными языками. К последней группе помимо официальных языков был отнесён и ретороманский, носители которого в конце XX в. потребовали тех же правовых гарантий, что имелись у других языковых групп. В результате изменения Конституции ретороманский язык был признан четвёртым официальным языком Швейцарии в 1996 г. [1, с. 32]. Таким образом, согласно ст. 70 Конституции, статусы официальных языков имеют немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Однако последний используется только на внутригосударственном уровне для коммуникации между органами власти и носителями языка [2].

Согласно данным Федерального статистического управления (FSO) за 2019 г., немецкий язык в качестве основного использует 62,3% населения, французский – 22,8%, итальянский – 8,0%, ретороманский – 0,5%. При этом 23,1% жителей являются носителями негосударственных языков, таких как английский, португальский, албанский и др. [3]. Суммарная статистика составляет более ста процентов, поскольку швейцарцы при опросе могут указывать несколько языков в качестве основных. Однако это не означает, что в стране повсеместно распространён мультилингвизм. Напротив, большинство субъектов Федерации являются одноязычными как по распространённости языка среди населения, так и по правовому статусу. Так, по территориально-языковому принципу в стране можно выделить несколько относительно монолитных языковых групп. Немецкоязычные

17 кантонов занимают центральную, восточную и северную территории страны. Франкоговорящая Швейцария представлена четырьмя западными кантонами. Италоязычная часть состоит из одного южного кантона Тичино.

В то же время весьма важной особенностью языковой ситуации в Швейцарии является тот факт, что языковые границы не совпадают с границами внутригосударственными, т.е. имеют место быть и многоязычные кантоны. В частности, в регионе Граубюнден официальными языками являются ретороманский, немецкий и итальянский. Оставшиеся три кантона (Берн, Фрибур, Вале) имеют статус двуязычных регионов: в них официальными считаются немецкий и французский языки, что отражено в кантональных конституциях и соответствующих местных законах [4, р. 34–35].

Мирное сосуществование сложившихся в Швейцарии языковых сообществ проистекает из трёх основных принципов: равноправия языков, свободного языкового выбора и языковой территориальности.

Согласно принципу равноправия, все языки Швейцарии имеют равный статус. Данный принцип относится не только к языковой политике, но и к устройству всего швейцарского общества. В стране не предусмотрены какие-либо преференции для представителей той или иной религии, языковой группы или кантона [5, с. 132]. На статус человека влияет только наличие или отсутствие гражданства, и отсутствует какая-либо дифференциация по признаку пола, языка, конфессии.

Равенство всех лингвистических сообществ также означает, что в швейцарском языковом праве отсутствует понятие «языковое меньшинство» [6, с. 183]. Сам принцип равноправия соблюдается за счёт поддержки федеральными органами власти менее распространённых языков страны. Так, согласно Конституции 1999 г., Федерация обязана оказывать поддержку кантонам Граубюнден и Тичино в вопросе поддержания и развития ретороманского и итальянского языков [7, р. 73]. Необходимость федеральных субсидий обусловлена не только слабой распространённостью этих языков в сравнении с немецким и французским, но и низким экономическим потенциалом двух кантонов, которые не могут полноценно реализовывать языковую политику.

Однако принцип равноправия вовсе не гарантирует, что в государственных органах Швейцарии одинаково представлены все официальные языки. В обеих палатах Федерального собрания страны обычно используются

только два языка – немецкий и французский. Во время обсуждения законопроектов члены парламента из Тичино должны работать с немецкой или французской версией предлагаемого закона, а итальянская версия доступна только при финальном голосовании. Синхронный перевод во время заседаний Национального совета (нижней палаты) и Совета кантонов (верхней палаты) осуществляется также только на немецкий и французский языки. Депутаты из Тичино обычно произносят вступительные слова на итальянском, после чего переходят на французский или немецкий. Депутаты-ретороманцы же, как правило, общаются на немецком языке [8, р. 86].

Законодательные комитеты парламента представляют свои устные отчеты на двух языках: немецком, французском или итальянском. Если рассматриваемый вопрос не имеет особого значения или исключительной сложности, докладчики дополняют друг друга и не повторяют части, которые уже обсуждались на другом языке.

Тексты заседаний в Национальном совете переводятся на немецкий, французский и итальянский. Перевод на ретороманский осуществляется только по предварительному запросу. Президент Национального совета ведёт заседания на своём родном языке. Бюро Национального совета как специально уполномоченный орган переводит на второй официальный язык наиболее важные положения речи президента.

В отличие от Национального совета, в верхней палате не осуществляется синхронного перевода заседаний. Документы публикуются на немецком и французском языках, но устные отчёты комиссии обычно издаются только на одном языке.

В целом, все документы, отчёты и черновые варианты законодательных актов, рассматриваемые комитетами и на пленарных заседаниях, издаются одновременно на немецком, французском и итальянском языках в онлайн-формате и в печатном виде. Другие документы доступны как минимум на двух официальных языках, обычно на немецком и французском [9, р. 135]. Таким образом, из всех официальных языков в Федеральном собрании в полной мере представлены только немецкий и французский, которые фактически являются языками публичного общения между всеми членами парламента, независимо от их родного языка.

Свобода языкового выбора означает, что каждый гражданин Швейцарии вправе выбирать любой язык в сфере частной жизни, в том числе при ведении бизнеса и торговли [10, р. 4].

При взаимодействии же с органами федеральной власти гражданин имеет право общаться на любом из официальных языков. Законодательно этот принцип подкреплён ст. 14 подписанной Швейцарией Европейской конвенции по правам человека, которая запрещает любые виды дискриминации по языковому принципу [11]. Языковая свобода гарантируется ст. 18 Конституции и косвенно отражена в других параграфах документа, посвящённых свободе совести, свободе прессы, свободе общественных организаций и свободе политической деятельности [2]. Что касается законодательства кантонов, то в них принцип свободы языкового выбора прописан нечётко. Так, не ясно, могут ли кантональные коммуны по своему усмотрению менять официальный статус языков на своей территории и должны ли они строго придерживаться результатов переписей населения [1, с. 33]. В целом, принцип языковой свободы отсылает именно к индивидуальному праву человека общаться на том или ином языке.

Принцип территориальности, используемый при решении языковых вопросов, выражается в формулировке «*cuius regio eius lingua*» – «чья территория, того и язык» [6, с. 149]. Хотя Федерация установила фиксированный список официальных языков на уровне всего государства, субъекты сами определяют свои региональные языки. Территориальный принцип означает, что каждый язык обладает своей исходной территорией, определяемой общинами и кантонами. Официальный язык того или иного кантона является обязательным при общении в публичной сфере. В Швейцарии довольно широко распространена ситуация, когда германоязычные граждане при переезде во франкоговорящий кантон должны выучить французский для возможности публичного общения в новом месте пребывания [8, р. 86]. Однако это не распространяется на коммуникацию с федеральными органами власти, с которыми они могут продолжать взаимодействовать на немецком. Таким образом осуществляется определённая политика ассимиляции в рамках кантонов.

Как можно заметить, принцип территориальности противоречит принципу свободы языкового выбора. Каждый житель Швейцарии имеет право изъясняться на родном языке, но в общении с другими жителями и органами власти кантона ему так или иначе приходится использовать официальный язык кантона, в котором он проживает. Иными словами, принцип территориальности превалирует над принципом языковой свободы, а из этого следует, что языковое право кантонов ограничивает языко-

вое право индивида. В то же время территориальный принцип, понимаемый как инструмент реализации демократических обязанностей, является конституционной гарантией для языковых сообществ страны [12, р. 118]. Такой механизм позволяет франкоязычным и италийским регионам сохранять свою языковую самобытность, не опасаясь «давления» со стороны превосходящей в плане численности населения и экономического развития немецкой части Швейцарии.

В случае с многоязычными субъектами роль принципа территориальности не столь однозначна. Данный принцип предполагает наличие только одного официального языка в каждом кантоне [13, р. 69]. На практике же, как отмечалось, существуют кантоны с двумя и даже тремя официальными языками. Определённые проблемы с реализацией принципа территориальности можно наблюдать во франко-немецких кантонах Вале, Берн и Фрибур. Так, большинство жителей кантона Фрибур в качестве основного языка используют французский, в то время как немецкий является официальным языком города Фрибур (столицы кантона). Такая ситуация рассматривается франкоязычным населением как насаждение немецкого языка и культуры. С другой стороны, горожане Фрибура, говорящие на немецком языке, должны, согласно принципу территориальности, использовать в официальных учреждениях французский язык [9, р. 131]. Иными словами, в таких гетерогенных территориях принцип языковой территориальности уже не обеспечивает полной защиты ни одного из языков.

Проблема также состоит в том, что принцип территориальности закреплён за всем кантоном, но не за его отдельными общинами. Данное обстоятельство наиболее ярко выражено в Граубюндене, где разноязычие ставит под угрозу национально-историческое единство ретороманского населения [1, с. 35]. Наличие нескольких официальных языков в регионе приводит к тому, что ретороманцы, овладевая вторым языком (зачастую немецким), начинают использовать последний в качестве основного ввиду его большей востребованности в рамках Швейцарии.

Несмотря на определённые проблемы реализации в смешанных в языковом отношении регионах Швейцарии, принцип территориальности в целом обеспечивает гармоничное сосуществование разных языковых групп. Более того, полагаясь на данный принцип, малые языковые сообщества (французское, итальянское) могут защитить свою языковую самобытность

даже в условиях активной внутренней и внешней миграции. Именно благодаря принципу территориальности языковая карта Швейцарии остаётся практически неизменной на протяжении многих лет, что можно считать основным фактором стабильности отношений между языковыми сообществами страны.

Вышеуказанные принципы швейцарской языковой политики так или иначе выстроены вокруг широкой автономии кантонов, что является следствием такого способа социально-политической организации общества, как субсидиарность. Принцип субсидиарности, в свою очередь, неотъемлемо связан с федеративным устройством Швейцарии, поскольку прямо или косвенно используется для распределения компетенций между центром и регионами. Это регулирование осуществляется путём разделения полномочий между уровнями федерального и регионального управления, основываясь на их степени близости к гражданам.

В случае Швейцарии региональные органы власти обладают значительными полномочиями на своей территории. Как уже ясно из принципа территориальности, кантоны сами определяют свою языковую политику. Статья 70 Конституции Швейцарии гласит, что каждый субъект вправе сам выбирать один из четырёх официальных языков Конфедерации в качестве кантонального. Такие полномочия кантонов обусловлены как конфедеративным наследием Швейцарии, так и особенностями сложившегося национального самосознания. Коллективная идентичность швейцарцев изначально формировалась на региональном уровне в качестве реакции на процессы унификации и централизации, что проходили в конце XVIII – начале XIX в. [14, S. 145]. В связи с этим граждане страны ассоциируют себя в первую очередь с кантонами, общинами и языковыми сообществами.

При этом самобытность кантонов выражается не столько в наличии региональной идентичности, сколько во внутреннем суверенитете, характеризующемся обладанием всеми атрибутами власти (правительство, парламент, полиция, суд), а также наличием региональных конституций. Но такая широкая автономия имеет вполне конкретные пределы, в частности, кантональные конституции утверждаются общекантональным парламентом и не могут противоречить Конституции Швейцарии [5, с. 132]. Кроме того, на Федерацию, согласно последней редакции Конституции от 1999 г., возложена конституционная обязанность выполнять требования, касающиеся официального многоязычия страны. Это означает, что федеральные

власти координируют все уровни государственного образования, находящиеся в кантональной юрисдикции [7, р. 73]. Иными словами, федеральное право в целом преобладает над кантональным, что, однако, не препятствует автономному решению проблем на местном уровне, в том числе и в сфере языковой политики.

Результатом такого разделения предметов ведения между центром и регионами является отсутствие федеральной языковой политики как таковой. Вместо этого каждый субъект, пользуясь широкими полномочиями в культурной сфере, формирует собственную модель, опираясь на языковую ситуацию на своей территории. В связи с тем, что определение языкового режима находится в ведении кантонов, издание административных актов осуществляется на соответствующем официальном языке каждого отдельного региона. В двуязычных регионах кантональные власти обычно используют тот или иной язык (но не оба) для предоставления местных услуг (например, образования) в соответствии с языковой границей внутри кантона.

Поводя итоги, можно заключить, что языковой режим многонациональной Швейцарии сочетает в себе два основных элемента: индивидуальную языковую свободу и неотъемлемое право кантонов распоряжаться официальными языками на своей территории. Второй элемент выражен в принципе территориальности языковой политики, который является средством защиты и развития языковой дифференциации федеративной Швейцарии, поскольку гарантирует незыблемость языковых границ. В то же время привязка языка к территории значительно слабее выражена в многоязычных кантонах, что обуславливается дисперсным размещением языковых групп (в частности, ретороманцев) и процессами внутренней миграции.

Хотя основы языковой политики устанавливаются Федерацией, её реализация зависит от деятельности каждого конкретного кантона. Такое положение дел обусловлено принципом субсидиарности, являющегося прямым следствием федеративного устройства государства. Ввиду того что кантоны сами определяют языковую политику, возникающие конфликты на этноязыковой почве по определению переносятся на локальный уровень, теряя при этом значительную часть своего деструктивного потенциала.

Таким образом, значение федерализма для языковой политики Швейцарии заключается в специфическом распределении полномочий между центром и регионами. С одной стороны,

федеральный центр обозначил список официальных языков, основываясь на общей лингвистической ситуации в стране. Однако именно регионы обладают правом определять, какой из этих языков считается официальным на их территории и какой должна быть языковая политика. Швейцарский федерализм предоставляет возможность кантонам осуществлять значимые, нежели чем просто номинальные, суверенные полномочия в сфере культуры и языка. Делегирование данных полномочий на региональный уровень является более чем оправданным решением в ситуации, при которой в рамках одного государства сосуществуют как несколько одноязычных субъектов из разных лингвистических групп, так и многоязыковые административно-территориальные единицы.

Список литературы

1. Клоков В. Т. Развитие и применение языкового права в Швейцарии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 30–35.
2. The Federal Constitution of the Swiss Confederation // Fedlex The publication platform for federal law. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en> (дата обращения: 25.09.2022).
3. Languages // Office Federal Statistical. Retrieved 7 July 2022. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistiken/bevoelkerung/sprachen-religionen/sprachen.html> (дата обращения: 25.09.2022).
4. Elmiger D., Forster S. La Suisse face à ses langues: Histoire et politique du plurilinguisme, situation actuelle de l'enseignement des langues. Neuchâtel : Institut de recherche et de documentation pédagogique (IRD), 2005. 74 p.
5. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В. Я. Швейцера. М. : Весь Мир, 2009. 542 с.
6. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / пер. с нем. С. В. Базарновой. М. : Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
7. Stepkowska A. Swiss Multilingualism: A Historical Background to Language Policy // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2019. Vol. 59, iss. 1. P. 69–84. <https://doi.org/10.2478/slgr-2019-0029>
8. Levitt J. Multilingualism in Switzerland, Belgium and Luxembourg // Geolinguistics. 2004. № 30. P. 85–96.
9. Kuzelewska E. Language Policy in Switzerland // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2016. Vol. 45, iss. 1. P. 125–140. <https://doi.org/10.1515/slgr-2016-0020>
10. Grin F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments // Cicle de conferències sobre política lingüística. Direcció general de política lingüística Barcelona, 1998. P. 1–9.
11. The European Convention on Human Rights // European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 25.09.2022).
12. Pap L. The language situation in Switzerland: An updated survey // Lingua. 1990. Vol. 80, iss. 2–3. P. 109–148. [https://doi.org/10.1016/0024-3841\(90\)90018-G](https://doi.org/10.1016/0024-3841(90)90018-G)
13. Grin, F., Korth, B. On the Reciprocal Influence of Language Politics and Language Education: The Case of English in Switzerland // Language Policy. 2005. № 4. P. 67–85. <https://doi.org/10.1007/s10993-004-6565-3>
14. Die Konstruktion einer Nation. Nation und Nationalisierung in der Schweiz 18.–20. Jahrhundert / Tanner A., Altermatt U., Bosshart-Pfluger C. (Hg.). Zurich : Chronos, 1998. 295 S.

Поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 02.03.2023